

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ» (СПБГУ)**

Выпускная квалификационная работа на тему:

***БРИТАНСКАЯ ИМПЕРИЯ В АНГЛИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ВТОРОЙ
ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА***

По направлению подготовки: 46.03.01 История

Образовательная программа бакалавриата: История

Профиль: Всеобщая история

Выполнил

Студент 4 курса

Очного отделения

Даниленко Михаил Юрьевич

Научный руководитель

к.и.н., доцент

Борисенко Виктор Николаевич

Санкт-Петербург

2017

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Эволюция теоретических подходов к империи и империализму в течение второй половины XX века	7
1.1. Истоки британской имперской историографии	7
1.2. Концепция Р. Робинсона и Д. Галлахера и ее влияние на историографию Британской империи. Идея «ядра-периферии»	11
1.3. Вклад А. Дж. Хопкинса и П.Дж. Кейна. Иной взгляд на взаимоотношение центра и периферии.	17
1.4. «Новая имперская история», «культурный поворот» , «постколониализм» и их взаимодействие с традиционной исторической наукой	19
Глава 2. Обзор значимых тем английской историографии Британской империи.....	28
2.1. Распад Империи	28
2.2. Содружество Наций.....	31
2.3. Рабство	34
2.4. Научно-технический прогресс и медицина	37
2.5. Постколониальная теория и гендерные исследования.....	41
Заключение	45
Список использованных источников и литературы	48
Источники.....	48
Литература	50
Статьи	51
Интернет-ресурсы	53

Введение

Вопрос империализма и имперского наследия в XXI веке приобрел особую актуальность. В современном западном обществе принято рассматривать историю колониальных империй в рамках так называемой «культуры вины» - как историю преступлений, совершенных европейцами по отношению к населению колонизированных территорий. О власти «культуры вины» над умами западных людей свидетельствует беспрецедентный уровень миграционных потоков, принимаемых западными странами. На основе «культуры вины» было построено множество карьер, организаций, все мейнстримные политические силы и СМИ так или иначе вынуждены на нее оглядываться. По крайней мере, такое впечатление производит официальный политический дискурс, настаивающий на консенсусе западного общества в этом вопросе.

Однако, события последних лет показали, что позиции европейского сообщества по данной проблеме весьма неоднородны. Все чаще слышатся голоса, скептически настроенные к мультикультурализму и толерантности. Постепенно набирают популярность политические движения и партии правого и консервативного толка. На правой риторике была выстроена предвыборная кампания нынешнего Президента США. И, что более важно в рамках данной работы, выход Великобритании из состава ЕС многими воспринимается именно как протест против того леволиберального пути, которому следует нынешняя Европа.

Великобритания, вообще, представляет собой крайне интересный феномен в контексте наследия империализма. Еще совсем недавно по историческим меркам она владела второй по величине империей в истории (после Монгольской империи), включавшей в себя четверть всей мировой территории. При упоминании колониальных империй большинство в первую очередь вспомнит именно Британскую. Исходя из этого, можно было бы ожидать, что в Великобритании «культура вины» примет особый масштаб.

Тем не менее, несмотря на многочисленные леволиберальные черты в британской политике, взгляд на саму империю здесь достаточно двойственен. С одной стороны, на официальном уровне Великобритания, как страна, включенная в общеевропейский дискурс, не может позволить себе лояльного отношения к имперскому прошлому. С другой, население самой Великобритании не склонно негативно относиться к временам империи. Постоянно проводятся опросы на эту тему (что может свидетельствовать о ее остроте), из недавних можно вспомнить опрос 2014 года, показавший, что три из четырех опрошенных склонны видеть Британскую империю как предмет гордости, принесший своим колониям только пользу¹.

Можно сослаться на то, что подобные оценки – результат самого обычного патриотизма, присущего любому народу. Но историческая память – это не то, что существует само по себе. Она конструируется множеством акторов, начиная от проводящего определенную историческую политику государства, заканчивая произведениями культуры и журналистики. Все это взаимодействует с социальной памятью, то есть памятью передаваемой через поколения, и, таким образом, получается некая единая историческая память².

Профессионалы-историки в выстраивании исторической памяти на первый взгляд играют ограниченную роль – ведь далеко не каждый из обывателей читает исторические работы. Но и политикам, и публичным интеллектуалам, при работе с памятью нужно от чего-то отталкиваться. Кроме того, немало историков сами являются публичными фигурами и регулярно отстаивают свою позицию в газетах и по телевидению. Поэтому, видится наиболее обоснованным указать роль историков как опосредованную, но очень важную.

¹ Dahlgreen W. The British Empire is 'something to be proud of' // YouGov [Электронный ресурс]. URL: <https://yougov.co.uk/news/2014/07/26/britain-proud-its-empire/> (дата обращения: 17.03.17).

² Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014. с. 20.

Таким образом, данная работа видит своей **целью** проследить изменения в английской историографии Британской империи, предшествующие формированию исторической памяти современных британцев. **Временные рамки** берутся от середины до конца XX века. Нижняя граница объясняется тем, что подлинное осмысление истории Британской империи стало возможным только после ее распада. Верхняя граница замыкает собой появление ключевых для тематики концепций. **Задачи** исследования – во-первых, выявить ключевые методологические подходы к проблеме, в рамках которых выполнялись наиболее значимые исследования, и проследить их развитие. Во-вторых, проследить, какие аспекты проблемы интересовали исследователей больше всего. В третьих, указать оценочные суждения ученых о роли британского империализма, в особенности, оценки морального плана. В четвертых, связать методологические вопросы и тематический разброс с возможностью для моральных оценок. Соответственно, **объект** данного исследования – английская историография Британской империи второй половины XX века. **Предмет** – оценки и подходы к Британской империи, разрабатываемые в этот период. Актуальность работы заключается в значимости темы империализма в современном дискурсе и в тех событиях современной европейской истории, в которых активно участвует Великобритания.

Говоря об **историографии** данного вопроса, выпущено немало работ, посвященных отдельным аспектам – культурным исследованиям, экономическим исследованиям, исследованиям колоний. Из комплексных работ стоит отметить «The Oxford History of the British Empire», а именно пятый том, посвященный историографии³. При этом, исследования, как правило, концентрируются на всей западной историографии, а не на конкретной стране. В нашей стране эта тематика практически не затрагивалась, можно, разве что, выделить диссертацию Г.И. Зверевой

³ The Oxford History of the British Empire. Vol. V: Historiography. – Oxford University Press 1999. – 756 p.

«Британская историография в контексте академической культуры XX века», посвященную британской историографии в целом⁴.

Что касается **источников**, то ими являются статьи и монографии ведущих английских историков, занимающихся этим вопросом – Д. Дарвина, Р. Робинсона, Д. Галлахера, П. Дж. Кейна, А.Дж. Хопкинса, Э. Портера, П. Дж. Маршалла, Дж. Маккензи и других. Разумеется, подавляющее большинство источников англоязычные, и не ко всем из них можно получить доступ в нашей стране. Там, где это возможно, были использованы электронные версии с сайта <http://www.jstor.org>. В остальных случаях приходилось обращаться к обзорам. Также, где необходимо, были затронуты работы ученых не из Британии.

Структурно **работа состоит** из введения, двух глав и заключения. В первой главе дана характеристика основных методологических подходов к Британской империи и их развития в течение рассматриваемого периода. Во второй главе обзревается работы по тем более узким областям, которые видятся значимыми для общего восприятия империи. К этой категории отнесены – распад Британской империи как один из ключевых сюжетов ее истории, Содружество как продолжение имперской политики, рабство как одна из самых сомнительных с моральной точки зрения страниц колониальной истории, наука и медицина как проявления прогрессивной стороны империи и исследования в духе постколониальной теории, в силу их актуальности для современной гуманитарной науки. Немалое количество исследовательских полей осталось за рамками данного исследования, ввиду ограничений формата. К таким следует отнести, прежде всего, историю отдельных колоний, которая ввиду своей масштабности выделилась в целую научную дисциплину – «area studies».

⁴ Зверева Г. И. Британская историография в контексте академической культуры XX века : Автореф. дис. на соиск. учен. степ. д.ист.н. М, 1998. – 44 с.

Глава 1. Эволюция теоретических подходов к империи и империализму в течение второй половины XX века

1.1. Истоки британской имперской историографии

Историографию, как сферу постоянного обмена идеями и мнениями, невозможно разрезать на несколько частей и изучать каждую в вакууме, в отрыве от остальных. Поэтому видится уместным вначале рассмотреть состояние имперской историографии, предшествующее изучаемому периоду.

Британская имперская историография восходит к XIX веку. Это было время наибольшей политической актуальности данной темы, период «Второй Британской империи», как его назовут в историографии в дальнейшем⁵. Империя оправилась от поражения в Американской войне за Независимость, извлекла все возможные преимущества от разгрома Наполеоновской Франции и, пока державы континентальной Европы разбирались со своими внутренними проблемами, достаточно быстро построила огромную колониальную империю, обладающую немислимым экономическим могуществом. Естественно, это отразилось на характере первых работ по этой тематике.

Предтечей британской имперской исторической традиции стал Томас Бабингтон Маколей, политический деятель от партии вигов. В своих работах Т.Б. Маколей прославлял коммерческий гений британской нации, ее прогрессивную роль авангарда цивилизации, распространяющего свои ценности среди «нецивилизованных» народов. Он писал книги, находясь под впечатлением от своей деятельности в Индии, направленной на конструирование местной системы образования на английском языке, что «позволило бы ее жителям войти в британскую семью народов». Его англоцентричный подход в дальнейшем стал объектом многочисленной

⁵ The Oxford History of the British Empire. Vol. V: Historiography. Oxford University Press 1999. pp.79 – 97.

критики, как со стороны представителей постколониальной теории, так и историков более традиционного плана. «Островная история» Т.Б. Маколея отводила покоренным народам роль учеников, чья история по-настоящему еще не началась, для этого им сначала нужно стать «цивилизованными», то есть усвоить британские культурные нормы⁶.

Тем не менее, время для критики настанет гораздо позже, а на тот момент работы Т.Б. Маколея оказались весьма влиятельными и дали старт так называемой «вигской интерпретации истории» («Whig interpretation of history" или «Whiggish history»). Она состояла в описании роли Британской империи как «благожелательной» («benevolent»), несущей мир и прогресс по всему земному шару. Сам процесс экспансии рассматривался не как завоевание, а как «цивилизаторская миссия» (the civilising mission)⁷.

В течение последующих десятилетий империя росла, присоединяла к себе новые территории в Африке и Азии, за что в 1868 году получила от политика сэра Чарльза Дилка название «Greater Britian» вместо просто «Great»⁸. Обозначение «Greater Britian» было затем позаимствовано классиком британского историописания сэром Джоном Сили, в его работе от 1883 года «The Expansion of England».

Если работы Т.Б. Маколея считаются именно предтечей имперской историографии, то ее настоящее начало принято ассоциировать именно с этим трудом Д. Сили. Разработанная как серия лекций для студентов Кембриджа, книга была призвана повысить интерес к Британии как к

⁶ Приводится по: Hall C. At home with history: Macaulay and the history of England // At Home with the Empire: Metropolitan Culture and the Imperial World. 2006. pp. 32-52 [Электронный ресурс]. URL: <http://discovery.ucl.ac.uk/12387/> (дата обращения: 17.03.17).

⁷ Butterfield H. The Whig Interpretation of History // School of English and American studies [Электронный ресурс]. URL: http://seas3.elte.hu/coursematerial/LojkoMiklos/Butterfield_The_Whig_Interpretation_of_History.pdf (дата обращения: 18.03.17).

⁸ Приводится по: Gwynn S. The Life of the Rt. Hon. Sir Charles W. Dilke V1 // FullBooks.com [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fullbooks.com/The-Life-of-the-Rt-Hon-Sir-Charles-W-Dilke1.html> (дата обращения: 18.03.17)

империи, что включало в себя куда больший, по сравнению с Т.Б. Маколеем, интерес к колониям. Его часто цитируемая фраза: «we seem, as it were, to have conquered half the world in a fit of absence of mind» («похоже, что мы захватили половину Мира, совершенно этого не заметив»). Д. Сили, по крайней мере, на словах, разделяет господствующую идею о том, что смысл британской экспансии в том, чтобы принести покоренным народам институты политического представительства и, таким образом признает моральное измерение империи, оторванное от насилия и завоевания. Тем не менее, ему не чужд прагматизм, да, он ратует за большую самостоятельность колоний, в частности, Индии, но по той причине, что считает защиту империей этих колоний слишком накладной. Да и саму историю XIX века он предлагает рассматривать не как идеализированную борьбу народовластия против деспотии, а как противостояние европейских держав за мировое господство⁹. Книга вышла в весьма подходящее время, высказанные в ней идеи обрели огромную популярность, таким образом, работа стала бестселлером. Она задавала направление для дальнейших исследований в сторону большего внимания к империи и ее колониям, что получило особое развитие в Кембридже¹⁰.

Начался процесс интенсивного развития имперской истории, она превратилась в профессиональную дисциплину, которую в 1905 году начали преподавать в Оксфорде, а в 1919 году – в Кембридже и Лондоне. В ходе Первой Мировой войны имперские историки заняли консервативную позицию и призывали «исполнить британское имперское предназначение». В непростой межвоенный период имперские историки также отстаивали позицию «морального долга империи защитить жителей колоний и способствовать экономическому развитию». В течение тридцати лет, с 1929

⁹ Сили Дж.Р. Расширение Англии: Два курса лекций. СПб: О.Н. Попова, ценз. 1903. 239 с.

¹⁰ Ghosh D. Another Set of Imperial Turns? // The American Historical Review | Oxford Academic [Электронный ресурс]. URL: <https://academic.oup.com/ahr/article/117/3/772/33359/Another-Set-of-Imperial-Turns-Durba-GhoshAnother> (дата обращения: 18.03.17).

по 1959, вышло в свет девять томов «Кембриджской истории Британской империи». Книга продолжала прежнюю традицию репрезентации империи как «великого предприятия, построенного при крайне ограниченном использовании силы». Британцам вменялось в заслугу способность управлять совершенно различными группами людей через, главным образом, налаживание контакта¹¹.

Это, что касается позитивного представления империи. Но достаточно быстро начали развиваться и критические подходы. Прежде всего, здесь стоит отметить знаменитую работу Джона Гобсона «Империализм», вдохновленную событиями англо-бурской войны. Нападение и, затем, оккупация Британской Империей бурских республик мало того, что явственно показала миру концепт современной войны (концентрационные лагеря, позиционная война и т.д.), но и серьезно подпортила имидж Британии в глазах мирового сообщества. Концепция империи как благодетеля народов и освободителя серьезно пошатнулась.

Д. Гобсон бросил вызов джингоистским настроениям и предложил собственную концепцию имперской экспансии и империализма. Суть вовсе не в освобождении и обеспечении благополучия колонизируемых народов, а в захвате новых рынков сбыта. По мере развития экономики в метрополии происходит перенасыщение товарами, и, чтобы предприятия продолжили получать прибыль на прежнем уровне, приходится искать новые рынки сбыта продукции. Это обеспечивается через колониальные захваты и установление военной тирании метрополии, ни о какой демократии тут речи не идет. При этом происходит отток капитала в колонии, что отрицательно сказывается на уровне жизни в метрополии. Д. Гобсон, как и большинство критиков империализма, подстегнутых англо-бурской войной, вовсе не выступал за

¹¹ Syriatou A. National, Imperial, Colonial and the Political: British Imperial Histories and their Descendants // eJournals [Электронный ресурс]. URL: <https://ejournals.epublishing.ekt.gr/index.php/historein/article/viewFile/2254/2088.pdf> (дата обращения: 15.03.17).

упразднение империи. Он считал, что имперской экономике нужна реструктуризация, при которой капитал вернется в метрополию, где через прогрессивное налогообложение его можно будет использовать для улучшения жизни простых людей. То есть, Д. Гобсон выражал типичные для того времени воззрения социального либерализма¹². Эту концепцию спустя пятнадцать лет адаптирует В.И. Ленин в своей работе «Империализм как высшая стадия капитализма»¹³. Он также, по понятным причинам, стал знаковой фигурой для критиков империализма, в том числе, британского.

Таким образом, на тот момент существовало два основных подхода к британской имперской истории. Первый, вдохновленный Т.Б. Маколеем и Д. Сиили, настаивал на прогрессивном и «благожелательном» характере империи. Этот подход концентрировался в мейнстримных учебных заведениях, вроде Оксфорда и Кембриджа. Второй подход, исходящий от социальных либералов вроде Гобсона и марксистов, воспринимал империю критически, осуждал ее за жестокость, милитаризм и эксплуатацию населения колоний. Этот подход первоначально занимал маргинальное положение, но со временем он начал завоевывать свое место в имперском историческом дискурсе. Оба подхода в то время практически не пересекались. Серьезные подвижки в историографии империи начались уже во второй половине XX века.

1.2. Концепция Р. Робинсона и Д. Галлахера и ее влияние на историографию Британской империи. Идея «ядра-периферии»

Новый виток в развитии теоретических подходов к британскому империализму был сделан под воздействием изменившейся политической обстановки. Британия активно проходила через процесс деколонизации, ярким проявлением которой стал Суэцкий кризис, имперский статус явно остался в прошлом. Поэтому отпала необходимость в официальных историках, прославляющих империю и ее завоевания. В то же время, на

¹² Гобсон Дж. А. Империализм. Либроком, 2010. 288 с.

¹³ Ленин В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма. ЛКИ, 2001. 122 с.

мировую арену выступили новые гегемоны – СССР и США. И политика каждой из них несла в себе характерные черты империализма – начиная от Плана Маршалла и заканчивая Корейской войной. Подобные тенденции порождали спрос на новое, более критическое осмысления империализма.

Первый шаг в этом направлении был сделан еще в 1953 году, с выходом статьи Джона Галлахера и Рональда Робинсона «The Imperialism of Free Trade». Д. Галлахер и Р. Робинсон были социалистами европейского формата, критически настроенные, как к авторитарным традициям СССР, так и к американскому империализму. В своей работе они полемизируют с Д. Гобсоном и его тезисом о том, что необходимость в расширении рынков сбыта заставила англичан отойти от политики свободной торговли и начать агрессивные колониальные захваты, чем знаменовался переход от Средне-Викторианского периода к Новому Империализму. Д. Галлахер и Р. Робинсон настаивают на том, что нет принципиальной разницы между Средне-Викторианским периодом и Новым Империализмом – это два разных проявления одной и той же системы. А система состояла в реализуемой на долгосрочную перспективу политике «неформальной империи», которая выстраивалась не на политическом принуждении, а на неформальных экономических связях с местными элитами. Таким образом, британцы поддерживали свою империю с минимальными затратами. Понятно, что такая система не могла действовать одинаково на всей территории империи. Когда неформальные связи давали сбой, в ход пускались инструменты формального политического контроля. Именно это и произошло в период «Нового Империализма», который представляет собой лишь продолжение прежней политики, а не что-то совершенно новое¹⁴.

¹⁴ Gallagher J. Robinson R. The Imperialism of Free Trade // The Economic History Review. 1953. No. 1. pp. 1-15. URL: https://www.jstor.org/stable/2591017?seq=1#page_scan_tab_contents (дата обращения: 10.03.17).

Р.Робинсон и Д. Галлахер продолжили развивать эту концепцию и в 1961 году в соавторстве с американской исследовательницей Элис Дэнни выпустили книгу «Africa and the Victorians. The Official Mind of Imperialism». В ней они на конкретных примерах Индии и Латинской Америки показывали применения политики «неформальной империи». И в том, и в другом случае британцы преследовали одну и ту же цель – извлечение экономической выгоды. Но в Индии местная экономика была развита в достаточной степени, чтобы представлять угрозу британскому экономическому доминированию. Поэтому британцы использовали различные ограничительные способы для защиты своих интересов. В Латинской Америке ситуация была иной, и тут можно было обойтись без прямого государственного вмешательства, было гораздо выгоднее обеспечивать британское влияние чисто экономическими способами.

Ключевым моментом, на котором сконцентрировались авторы, была колониальная администрация и то, как в зависимости от региона, она формулировала политику по отношению к нему – «формальную» или «неформальную». Специально для этого вводится новый термин – «Official Mind» (ввиду отсутствия общепринятого русского перевода, обозначим как «государственный ум»). Члены колониальной администрации, носители этого самого «государственного ума» являли собой связующее звено между политикой метрополии и осуществлением этой политики в конкретной колонии. Они, получившие одно и то же образование и являющиеся носителями одного и того же мироощущения, отвечали за представление руководству империи дел в подотчетной местности. Описывая манеру деятельности этих людей, авторы особенно указывали на их стремление в любой ситуации найти возможности для налаживания контактов с местными жителями. Подобная стратегия, рассчитанная на заключение союзов, а не использование силы, являлась наиболее предпочтительной для носителей «государственного ума».

Таким образом, центральная идея работы заключалась в том, что не было никакой унифицированной имперской структуры. Вместо этого, Британская империя была сетевой структурой, совокупностью множества видов связей между метрополией и конкретными колониями¹⁵.

Этот теоретический подход к британскому империализму завоевал огромную популярность, было множество, как его сторонников, так и противников. Р. Робинсон и Д. Галлахер в разные годы занимали ключевые университетские должности по британскому империализму, как в Кембридже, так и в Оксфорде. Их научные труды сформировали новое поколение историков, получившее название Кембриджской историографической школы. Используя концепт «неформальной империи», они особенно активно концентрировались на Индии. Их также не раз критиковали за «проимперскую» позицию¹⁶.

Еще одной значимой вехой в карьере Р. Робинсона и Д. Галлахера стало создание в 1972 году научного журнала «Journal of Imperial and Commonwealth History» («Журнал истории Империи и Содружества»)¹⁷. Р. Робинсон и Д. Галлахер были среди редакторов, их методология серьезно повлияла на проводимые авторами журнала исследования. Тем не менее, журнал положительно отмечали за многообразие подходов, тематик и точек зрения. В течение многих лет он оставался ведущим журналом, посвященным имперской истории.

¹⁵ Приводится по: Shepperson G. Review: Africa and the Victorians. The Official Mind of Imperialism by Ronald Robinson; John Gallagher; Alice Denny // The English Historical Review. 1963. No. 307. pp. 345-347. URL: https://www.jstor.org/stable/560048?seq=1#page_scan_tab_contents (дата обращения: 19.03.17).

¹⁶ Приводится по: Baker C.J. Review: Pluralist Politics in British India: The Cambridge Cluster of Historians of Modern India: The Politics of South India, 1920-1937 // The American Historical Review. 1979. No. 3. pp. 688-707. URL: https://www.jstor.org/stable/1855403?seq=1#page_scan_tab_contents (дата обращения: 19.03.17).

¹⁷ The Journal of Imperial and Commonwealth History // History On-line [Электронный ресурс]. URL: <http://www.history.ac.uk/history-online/journal/journal-imperial-and-commonwealth-history> (дата обращения: 21.03.17)

Рефлексия о взаимоотношениях центра и периферии надежно закрепилась в качестве определяющих тем в историографии Британской империи. Идея «неформальной империи» нашла продолжение в работах историков в следующие десятилетия, пусть они и далеко не всегда использовали этот термин. Особенно здесь стоит отметить работы Д. К. Филдхауса. В 1984 году он опубликовал статью «Can Humpty-Dumpty be put together again? Imperial history in the 1980s», в которой он рассуждал о сложностях, которыми сопровождается работа историка Британской Империи. Он ставит вопрос о том, возможно ли вообще адекватно работать с таким предметом, как имперская история, если сама империя – гигантская совокупность самых различных структур и отношений, связывающая множество территорий и народов по всему миру. Возможно ли для исследователя разобраться во всех перипетиях, освоить весь необходимый массив данных, выстроив при этом последовательное и структурированное историческое сочинение? Обозначая все эти трудности, сам Д. К. Филдхаус, тем не менее, настроен оптимистично.

Для решения этой задачи, он предлагает использовать концепцию «ядра-периферии», в рамках которой историки изучали бы взаимодействия или «интеракции» между этими двумя элементами. Подчеркивая значимость «интеракций», Д. К. Филдхаус указывает, что в рамках метрополии они предопределили сущность экономики, стратегии внешней политики, особенности вооруженных сил. А что касается колоний, то здесь «интеракции» повлияли на политическую культуру, административную систему, структуру производства и потребления и, разумеется, государственные границы. Имперский историк, таким образом, должен суметь разглядеть это пространство «интеракции» и, используя его как точку отсчета, проследить изучаемый предмет, как в метрополии, так и в колонии. Важно, чтобы историк «чувствовал себя как дома» на каждом краю «интеракции», не отдавая предпочтение чему-то одному. Разумеется, Д. К.

Филдхаус осознавал, что мало кто из историков смог бы в полной мере соответствовать этим критериям, учитывая тот массив материала, который для этого пришлось бы рассмотреть. Однако, он выразил надежду, что историки, каждый изучающие какую-то свою сферу, будут использовать единый набор понятий, который откроет возможность для преодоления партикуляризма за счет использования сравнительного метода¹⁸.

Концепция «интеракции» хоть и вызвала большой интерес со стороны имперских историков, многим показалась неясной и слишком абстрактной. Среди таких ученых был Джон Дарвин, предложивший собственное дополнение к идеям Д. К. Филдхауса. Основываясь на позиции о том, что любая оценка взаимоотношений метрополии и колоний должна отталкиваться от тезиса о плюрализме британского общества и многообразии его интересов в колониях, он ввел понятие «плацдарма». «Плацдарм» - это своего рода стержень, связывающий колонию и метрополию. Он может основываться на экономических интересах, миссионерстве, политических целях, поселенческих или даже на комбинации всего выше перечисленного. «Плацдарм» принимает форму фабрики, порта или целой компании, вроде «Ост-индской», и на этой основе он реализует выстраивание отношений с местными жителями и конструирует империю, формальную или «неформальную», в зависимости от обстоятельств.

Соответственно, и вопросы, которые должны стоять перед исследователями – насколько умело агенты «плацдарма» реализовывали экономический, политический и экологический потенциал региона; насколько успешно воля метрополии транслировалась в колонии; насколько быстро выстраивалась местная политическая структура как объект приложения политической силы или экономического влияния метрополии.

¹⁸ Приводится по: Lester A. Imperial Circuits and Networks: Geographies of the British Empire // CiteSeerX [Электронный ресурс]. URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.610.4467&rep=rep1&type=pdf> (дата обращения: 22.03.17).

Объяснение сущности и темпов британской экспансии, с точки зрения Д. Дарвина возможно только при анализе структуры и влияния этих самых «плацдармов»¹⁹.

Д. Дарвин, Д. К. Филдхаус, выступающие во многом как продолжатели работы Р. Робинсона и Д. Галлахера, рассматриваются как «старые имперские историки» действующие в рамках позитивистского подхода. Однако подход того же Д. Дарвина, рассматривающего империю как в значительной мере ментальную структуру, завязанную на многообразии отношений колонизируемых и колонизаторов, несет в себе явный отпечаток нового интеллектуального течения того времени, получившего название «Новая Имперская история», о которой пойдет речь через параграф. В принципе, можно констатировать, что идея «ядра-периферии» является центральной в конструировании методологии изучения британского империализма.

1.3. Вклад А. Дж. Хопкинса и П. Дж. Кейна. Иной взгляд на взаимоотношение центра и периферии.

Не стоит, правда, думать, что абсолютно все историки наделяли периферию такой большой значимостью. Развивались и иные подходы, делающие больший упор на роль метрополии, хотя и они настаивали на примате экономики и экономических связей над прочими аспектами функционирования империи. Прежде всего, конечно, в этой связи стоит упомянуть концепцию «джентльменского капитализма» за авторством А. Дж. Хопкинса и П. Дж. Кейна.

В своей статье "Gentlemanly Capitalism and British Expansion Overseas I. The Old Colonial System, 1688-1850", выпущенной в 1986 году, авторы выдвинули тезис о том, что с конца семнадцатого столетия доминирующее

¹⁹ Darwin J. Imperialism and the Victorians: The Dynamics of Territorial Expansion // The English Historical Review. 1997. No. 447. pp. 614-642. URL: https://www.jstor.org/stable/576347?seq=1#page_scan_tab_contents (дата обращения: 22.03.17).

положение в британской экономике занимал земельный и финансовый капитал. Промышленный капитал играл куда меньшую роль и развивался не так интенсивно, как принято было считать. Таким образом, вся экономическая жизнь концентрировалась вокруг Лондона и юго-западной Англии. И эти самые финансовые и земельные группы, «джентльменские капиталисты», обладали огромным влиянием на принятие решений в политической среде. Эта структура, основанная на союзе южных инвесторов, землевладельцев и политиков, по мнению авторов, и определила британскую морскую экспансию. Несмотря на то, что промышленный сектор тоже играл свою роль, быстрорастущая сфера услуг и финансовые институты были куда более значимыми в этой экономической системе с центром в Лондоне. Империализм в данном случае выступает лишь одним из инструментов, с помощью которых элита утверждала свое благосостояние²⁰.

В своих дальнейших работах П. Дж. Кейн и А. Дж. Хопкинс проследили, как финансовые элиты вмешивались в политику метрополии в ходе различных кризисов, таких как оккупация Египта или Англо-бурская война. Просмотрев огромный массив данных, связанных с реализацией империей своей политики в колониях, авторы делают вывод о том, что функционирование империи выстраивалось, прежде всего, на действиях центра, периферия тут играла второстепенную роль²¹.

Естественно, такой фокус на метрополии стал объектом многочисленной критики. Историки, в особенности сторонники постколониальной теории, обвиняли П. Дж. Кейна и А. Дж. Хопкинса в англоцентризме и умалении роли населения колоний. Также были названы

²⁰ Cain P. J. Hopkins A. G. Gentlemanly Capitalism and British Expansion Overseas I. The Old Colonial System, 1688-1850 // The Economic History Review. 1986. No. 4. pp. 501-525. URL: https://www.jstor.org/stable/2596481?seq=1#page_scan_tab_contents (дата обращения: 21.03.17).

²¹ Приводится по: Wark W.K. Review: British Imperialism: Innovation and Expansion, 1688-1914 by P. J. Cain; A. G. Hopkins // The Journal of Modern History. 1996. No. 2. pp. 451-453. URL: https://www.jstor.org/stable/pdf/2124682.pdf?seq=1#page_scan_tab_contents (дата обращения: 21.03.17).

редукционистскими попытки свести всю имперскую политику к конкретным экономическим интересам и этой основе вывести единую теорию империализма. Кроме того, сами собранные данные вызвали сомнение. Хотя, один из наиболее характерных критиков концепции, Эндрю Портер, настаивал и на положительной роли «джентельменского капитализма», состоящей в постановке вопроса о характере британской экспансии²². Несмотря на то, что основополагающий вклад работы П.Дж. Кейна и А. Дж. Хопкинса именно в указании на роль финансового сектора в противовес промышленному, можно заметить, что критиковали его именно за попытку выйти за рамки традиционного (к тому времени) взгляда на периферию.

1.4. «Новая имперская история», «культурный поворот», «постколониализм» и их взаимодействие с традиционной исторической наукой

При рассмотрении этого непростого вопроса, необходимо снова обратить внимание на исторический контекст. К середине 1970-х годов большинство британских колоний обрело независимость. Британская империя, как таковая, прекратила свое существование. При этом в послевоенные годы наметился сильный миграционный поток из бывших колоний в европейские страны. Британцы получили возможность воочию увидеть то самое население колоний, которое до этого представляли себе весьма абстрактно. В то же время, подобный контакт между народами обострил вопрос расовой и национальной идентичности – что значит быть британцем? Также встала проблема колониального наследия. Таким образом, империя снова стала политически актуальной темой, но уже в ином смысле, чем XIX веке.

При этом многие стали говорить о структурном кризисе, в котором оказалась британская имперская история. Высказывалось мнение о том, что

²² Porter A. ‘Gentlemanly capitalism’ and empire: The British experience since 1750? // The Journal of Imperial and Commonwealth History. 1990. No. 3. pp. 265-295.
URL: <http://ell507.cankaya.edu.tr/uploads/files/Gentlemanly%20Capitalism.pdf> (дата обращения: 21.03.17).

старые подходы к ней – изучение политической и экономической истории – уже себя не оправдывают. Параллельно с этим происходили изменения в гуманитарных науках Запада, как таковых, вдохновленные постмодернистской рефлексией таких авторов, как Мишель Фуко и Жак Деррида. Новая парадигма выстраивалась на волне лингвистического и культурного поворота, она размыла традиционные границы научных дисциплин и способствовала циркуляции методов и материалов между ними. Лингвистический поворот исходил из представления о конструировании реальности посредством языка. Язык определяет мышление, и, как следствие, чтобы понять какую-либо общность, историческую и географическую, надо понять ее язык²³. Культурный поворот знаменовал собой обращение внимания ученых в сторону человека и его мировосприятия. Подобное стало возможно на волне значительного повышения уровня жизни в послевоенные годы.

Ученые-постмодернисты, таким образом, исходили из понимания человеческой культуры, вообще всего, что связано с деятельностью человека как совокупности текстов. Текст – это, прежде всего, конструирование окружающего мира в терминах и категориях, изначально заложенных в сознание составителя. А, так как сами эти термины и категории представляют собой такой же социальный конструкт, представление о реальности, сформированное культурным бэкграундом, говорить о какой-либо объективности не приходится. Отсюда представление о знаниях, как о чем-то, что тоже было сконструировано. Таким образом, ставилось под сомнение наличие истины, как таковой. Масштабные теории и системы представлений о мире были иронично обозначены как «великие сказания» - в большей степени литературные сюжеты, мифы-конструкты,

²³ Лингвистический поворот в историческом познании // Понятия и категории [Электронный ресурс] URL: <http://ponjatija.ru/node/13150> (дата обращения: 15.03.17).

отражающие скорее личности своих создателей, нежели объективную реальность²⁴.

Раз объективную истину установить невозможно, и любые попытки понять реальность будут так или иначе наталкиваются на человеческий субъективизм и те конструкты, из которых он исходит, характер и цель научных исследований также были пересмотрены. Теперь в центре внимания то, как тексты конструируют отношения власти-подчинения. Миграционные потоки, благодаря которым европейское население смогло по-настоящему узнать народы бывших колоний, с одной стороны увеличивали ксенофобские настроения широких масс, с другой – сформировали концепцию «белой вины» среди интеллектуалов. Таким образом, отношение к неевропейским народам в академической среде претерпело существенные изменения. Раз идея модерна и развитости – это такой же социальный конструкт, как и все остальное, то прежнее покровительственное отношение к этим «неразвитым» «народам без истории» теперь воспринималось как шовинизм. Имперская история же стала «политически некорректной», теперь в отношении исследований колоний применяли понятия «исследования стран Третьего Мира» или же «area studies»²⁵.

Особенно важной вехой в развитии западной исторической науки стала публикация в 1979 году книги американского историка Эдварда Саида «Ориентализм». Используя методы литературного анализа, предложенные М. Фуко и Ж. Дерридой, Э. Саид рассмотрел значительный массив европейских текстов экономического, политического и культурного характера, относящиеся к Востоку, со времен эпохи Просвещения. Он сделал вывод, что европейцы, возведя на пьедестал в ходе эпохи Просвещения логику и

²⁴ Приводится по: Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М. Аспект Пресс, 2004. С. 312-333.

²⁵ Приводится по: Lester A. Imperial Circuits and Networks: Geographies of the British Empire // CiteSeerX [Электронный ресурс]. URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.610.4467&rep=rep1&type=pdf> (дата обращения: 22.03.17).

прогресс, объявили себя мировым флагманом этого самого прогресса, отведя всему остальному миру роль ведомого, которому, чтобы преодолеть свою отсталость нужно перенять европейские нормы. Подобное представление о своем месте в мире привело к конструированию образа Востока, особенно исламской его части, который соответствовал бы этому мифу об отсталости неевропейцев и оправдывал бы агрессивную империалистическую политику в его отношении. Разумеется, утверждал Э. Саид, реальный Восток не имел ничего общего с этим сконструированным европейцами «знанием» о себе. Но в ходе контактов цивилизаций эти представления неизбежно находили выражение в европейских практиках по отношению к Востоку. А в тех регионах, где европейцы смогли обрести влияние, этот образ усваивался местным населением, искажая его представления о себе. Соответственно и вся европейская историография Востока едва ли может считаться достоверной, так как историки точно также подвержены конструктам, как и все остальные.²⁶

Труд Э. Саида, критикующий европейский империализм в целом, лег в основу постколониальной теории, которая быстро завоевала большую популярность. Были начаты попытки найти подлинную историю Востока, незапятнанную европейским конструированием знаний. Это привело к появлению целого научного направления – «Subaltern Studies», делающего упор на источниковедческую базу бывших колоний и развиваемого, по большей части, местными историками²⁷. Что же касается Европы, то здесь ученые начали разрабатывать вопросы культурных эффектов империализма, как на метрополию, так и на колонии, а так же на реализацию властных отношений посредством языка между доминирующими группами и «угнетаемыми», куда, помимо жителей, колоний были включены и прочие меньшинства. Естественно, «Ориентализм» не был принят однозначно,

²⁶ Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока. Русский мир, 2006. 640 С.

²⁷ McGrail R. Pillai R. Subaltern Studies // Cultural Anthropology [Электронный ресурс]. URL: https://culanth.org/curated_collections/6-subaltern-studies (дата обращения: 28.03.17).

помимо сторонников у него нашлось и множество противников. Более подробно исследования в этой области и ее критика будут рассмотрены в следующей главе, здесь же речь пойдет об основополагающих моментах в контексте противоречий между «старой» и «новой» имперскими историями.

Класс, гендер, раса, взаимоотношения метрополии с колониями, культура и дискурс – эти вопросы встали на повестку дня. Тем не менее, многие ученые продолжали заниматься более традиционными вопросами – экономическими, политическими, военными и административными. И, разумеется, отношения между двумя этими группами были не самыми лучшими. «Новые» указывали на кризис, в которой оказалась историческая наука из-за ретроградских подходов «старых». «Старые» же просто не воспринимали «новую имперскую историю» всерьез и не считали нужным отходить от традиционных схем²⁸.

Однако были и те, кто умудрялся совмещать оба подхода, используя методы и концепции «новой имперской истории», чтобы писать про экономику или политику. Вышеупомянутых П. Дж. Кейна, А. Дж. Хопкинса и Д. К. Филдхауса можно отнести к этой группе. Также нельзя не указать еще одного историка, уделявшего большое внимание культурным вопросам – Джона Маккензи.

В 1984 году он опубликовал свою, ставшую чрезвычайно известной, книгу «Пропаганда и Империя». Еще через два года была выпущена работа «Империализм и массовая культура». Д. Маккензи сконцентрировался на многообразных формах культурной истории, как в метрополии, так и в колониях. Вопросы формирования и структуры имперской идеологии, ее репрезентация в разных частях империи, отношение к империи со стороны

²⁸ Ghosh D. Another Set of Imperial Turns? // The American Historical Review | Oxford Academic: [Электронный ресурс]. URL: <https://academic.oup.com/ahr/article/117/3/772/33359/Another-Set-of-Imperial-Turns-Durba-GhoshAnother> (дата обращения: 18.03.17).

британцев и покоренных народов – вот, что оказалось в центре внимания этого историка, открещивающегося от постколониальной теории. В качестве источниковедческой базы выступили театр, искусство, архитектура, пресса, развлечения, даже детские игрушки. Д. Маккензи делает вывод об исключительном многообразии форм, которые принимала имперская культура в разных ее частях.

Д. Маккензи полемизировал с Д. Саидом и даже выпустил книгу в 1996 году, которая тоже называлась «Ориентализм». Он указывал на редуционизм работы Д. Саида, сводившего все к единообразным отношениям колонизаторов и колонизируемых. Ведь снисходительность и высокомерие были не единственными чувствами, питаемыми европейцами к Востоку. Был период, указывает Маккензи, когда Европа восхищалась Востоком и его культурой²⁹.

Все же, распространению постколониальной теории сопутствовала многочисленная критика. Помимо Д. Маккензи, немалое количество исследователей отмечало, что Э. Саид оценивает восприятие Западом Востока поверхностно и отрывочно, игнорирует тот факт, что это самое восприятие принимало множество форм, среди которых были и весьма враждебные колониализму и дружественные Востоку. Особенно в этой связи отмечается романтизм – течение, относящееся к Востоку как минимум с интересом. Романтизм, начавший «войну против Разума» видится как

²⁹ Приводится по: Taylor P.M. Review: Propaganda and Empire: The Manipulation of British Public Opinion, 1880-1960 by John M. MacKenzie // The Journal of Modern History. 1986. No. 4. pp. 923-926. URL: https://www.jstor.org/stable/pdf/1880131.pdf?seq=1#page_scan_tab_contents (дата обращения: 21.03.17); Kennedy D. Review: Orientalism: History, Theory, and the Arts by John M. MacKenzie // The International History Review. 1996. No. 4. pp. 912-914. URL: http://www.jstor.org/stable/40107585?seq=1#page_scan_tab_contents (дата обращения: 21.03.17); Maughan-Brow D. Review: Imperialism and Popular Culture by John M. MacKenzie // The International Journal of African Historical Studies. 1987. No. 3. pp. 556-558. URL: https://www.jstor.org/stable/219728?seq=1#page_scan_tab_contents (дата обращения: 21.03.17).

предтеча современного ориентализма, то есть сопротивление европейскому понимаю Востока ведется с помощью европейского же изобретения.

Также ученые обращали внимание на непоследовательность Э. Саида - он критикует Западную цивилизацию с точки зрения тех же категорий Просвещения, которые он отвергает. И освободить восточный академический дискурс от навязанных ему европейских интерпретаций он также пытается, используя западные понятия³⁰.

Что касается других историков, адаптировавшим методы «новой имперской истории», отвергая ее основной посыл, тот тут стоит еще отметить Кристофера Бейли. В своих работах, посвященных Индии, он анализирует причины и обстоятельства успешного ее захвата Британией. Для этого он рассматривает экономическую культуру Индии, стиль и методы ведения бизнеса индийскими торговыми семьями, а также административную систему. Именно слабость этих структур, явившаяся следствием местных культурных норм, определила их неспособность дать достойный отпор Британии³¹.

В фокусе научных интересов К. Бейли также была работа британской разведки в Индии, которой он посвятил монографию «Empire and Information: Intelligence Gathering and Social Communication in India, 1780–1870»,

³⁰ Peabody N. *Tod's Rajast'han and the Boundaries of Imperial Rule in Nineteenth-Century India* // *Modern Asian Studies*. 1996. No. 1. pp. 185-220. URL: https://www.jstor.org/stable/312906?seq=1#page_scan_tab_contents (дата обращения: 28.03.17); Leask N. *Review: Ungoverned Imaginings: James Mill's "History of British India" and Orientalism by Javed Majeed* // *Colonial and Post-Colonial History*. 1993. No. 36. pp. 242-249. URL: https://www.jstor.org/stable/4289262?seq=1#page_scan_tab_contents (дата обращения 28.03.17).

³¹ Приводится по: Marshall P. J. *Review: Rulers, Townsmen and Bazaars: Rulers, Townsmen and Bazaars: North Indian Society in the Age of British Expansion, 1770-1870 by C. A. Bayly* // *Modern Asian Studies*. 1984. No. 1. pp. 153-156. URL: https://www.jstor.org/stable/312387?seq=1#page_scan_tab_contents (дата обращения: 22.03.17); Fisher M.H. *Review: The New Cambridge History of India. Volume II.1. Indian Society and the Making of the British Empire. by C. A. Bayly* // *Pacific Affairs*. 1989. No. 1. pp. 125-127. URL: https://www.jstor.org/stable/2760295?seq=1#page_scan_tab_contents (дата обращения: 22.03.17).

выпущенную в 1996 году. Он ставит эффективность этой работы под сомнение, так как значительная часть информации терялась из-за тонкостей перевода. К. Бейли обратился к вопросу различий между восприятием информаторов и местных властей, чтобы объяснить причины этого³². Саму Британию К.Бейли воспринимает достаточно критически, считая ее аграрной страной, захватившей ослабленные восстаниями мусульманские страны, что он и выражает в своей книге «The Imperial Meridian: The British Empire and the World, 1780–1830»³³. Несмотря на очевидное внимание к вопросам культуры и мировосприятия, сам К. Бейли не относил себя к «новым имперским историкам» и крайне скептически относился к этому явлению.

На рубеже веков были также выпущены титульные работы Оксфорда и Кембриджа, посвященные Британской империей. Видится разумным рассмотреть их взаимосвязь с «новой имперской историей».

В 1996 году Питер Маршалл выпустил «Кембриджскую иллюстрированную историю Британской империи». Он отстаивал тезис о том, что характер британского присутствия в Азии не был захватническим по своей сути, а основывался на союзе с местными элитами, которым делегировались полномочия с целью обеспечить процветание в регионе. Роль империи в жизни колоний, таким образом, была, если не позитивной, то по крайней мере нейтральной. Да и сама империя представляла собой предприятие во многом ситуативное, а насилие в ее функционировании не играло такой значимой роли.

³² Приводится по: Sweetman W. Review: Empire and Information: Intelligence Gathering and Social Communication in India, 1780-1870 by C. A. Bayly // Modern Asian Studies. 1998. No. 1. pp. 245-251. URL: https://www.jstor.org/stable/312975?seq=1#page_scan_tab_contents (дата обращения: 22.03.17).

³³ Приводится по: Osterhammel J. Review: Imperial Meridian: The British Empire and the World 1780-1830 by C. A. Bayly // Journal of the Economic and Social History of the Orient. 1993. No. 1. pp. 91-93. URL: https://www.jstor.org/stable/3632475?seq=1#page_scan_tab_contents (дата обращения: 22.03.17).

Еще одной «титульной» работой стала «Оксфордская история Британской империи», выпущенная в пяти томах с 1998 по 1999 года. Многие оказались разочарованы этой работой за крайне малое внимание, уделенное «новой имперской истории» и постколониальным исследованиям³⁴.

Таким образом, историки империи, работающие в традиционном русле, достаточно критически восприняли наработки «новой имперской истории», и достаточно долго между этими двумя группами существовала напряженность. Тем не менее, ряд «старых имперских историков» адаптировал некоторые методы «новых», далеко не всегда это признавая. И, тем самым, были открыты возможности для синтеза двух течений, из взаимного обогащения.

³⁴ Приводится по: Lester A. Imperial Circuits and Networks: Geographies of the British Empire // CiteSeerX [Электронный ресурс]. URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.610.4467&rep=rep1&type=pdf> (дата обращения: 22.03.17)

Глава 2. Обзор значимых тем английской историографии Британской империи

2.1. Распад Империи

Распад империи, несомненно, стал травматическим опытом для британского массового сознания. Неудивительно, что он породил интенсивную научную рефлексию о характере и причинах этого явления.

Еще в 1957 году, когда распад империи не был завершен, американским экономистом Полом Бараном была высказана точка зрения, на долгие годы ставшая мейнстримной – распад империи представляет собой осознанное желание британских властных элит, осознавших экономическую невыгодность прямого управления колониями³⁵.

Еще одно популярное объяснение относится к 1959 году. Тогда Джон Стрейчи выпустил работу «The End of Empire». Ее центральный тезис - Британия отказалась от империи, чтобы соответствовать духу времени. Политическая повестка перешла в плоскость страны и ее внутренних проблем, империя перестала быть актуальной, если раньше иметь империю было престижно, то теперь это скорее позорно. Кроме того, империя устарела, перестала быть атрибутом силы, стала скорее бременем. Основа экономического процветания виделась теперь во взаимоотношениях с развитыми европейскими странами, а не с далекими колониями³⁶.

В то же время историки в других странах, анализируя причины распада империи, подчеркивали роль национально-освободительной борьбы колониальных народов.

На тему распада империи также высказывался вышеупомянутый Р. Робинсон. В том же 1972 году он выпустил статью «The Non-European

³⁵ Приводится по: Webster A. The debate on the rise of the British Empire. Manchester University Press, 2006. p.85.

³⁶ Приводится по: Kidron M. After the end of Empire // Socialist Review. 1960. No. 1. pp. 68–74. URL: <https://www.marxists.org/archive/kidron/works/1960/01/after.htm> (дата обращения: 11.03.17).

Foundations of European Imperialism», в которой он оспаривал тезис о том, что в основе деколонизации лежал национализм подчиненных народов – это в большей степени симптом более глубоких процессов. Сила Империи в ее лучшие дни состояла в умении находить союзников среди местных элит, как формально, так и неформально. Колониальная администрация умело играла на противоречиях местных групп, склоняла нужных ей к сотрудничеству. В ходе упадка колониализма как раз таки антиколониальные силы переняли эту способность формировать структуры и коалиции, в то время как колониальная администрация ее утратила³⁷.

Военный историк Коррелли Барнетт предложил более комплексный подход к анализу причин падения империи. В своей работе от 1973 года он рассмотрел различные аспекты имперской жизни, такие как религия, менталитет, общественное мнение, и сравнил их с аналогичными в других странах. Он пришел к выводу, что проблема заключалась в слишком аристократичной верхушке империи, которая замкнулась на себе и забыла про такие важные вещи, как индустрия, наука и стратегия³⁸.

Коллега Р. Робинсона Д. Галлахер также не остался в стороне от проблемы. В 1982 он опубликовал труд «Decline, Revival and Fall of the British Empire», в котором он выступил с осуждением «однобоких» подходов к анализу падения империи, таких как, например, упор на роль общественного мнения. Он настаивает на более систематичном анализе, включающем в себя оценку нестабильных многосторонних отношений между имперской дипломатией, «домашней» политикой и условиями функционирования колониальной системы. Вместе эти факторы привели к

³⁷ Приводится по: Atmore A. E. The Extra-European Foundations of British Imperialism: Towards a Reassessment // British Imperialism in the Nineteenth Century. 1972. pp. 106-125. URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007%2F978-1-349-17655-7_6 (дата обращения: 18.03.17).

³⁸ Barnett C. The collapse of British power. London: Eyre Methuen, 1972. pp. 43-128.

упадку системы формального контроля, в пользу установления неформального влияния³⁹.

Также были исследования, рассматривающие отдельные фрагменты в общей мозаике имперского упадка. К числу таковых относится работа Уильяма Роджера Льюиса «Britain's Empire in the Middle East, 1945-1951», выпущенная в 1984 году. В ней автор рассказывает историю неудачной попытки Британии адаптировать колониальные порядки на Ближнем Востоке к изменившимся реалиям. С его точки зрения, эти события являются показательными для понимания хода падения Империи в остальных колониях⁴⁰.

К 1988 году относится выход книги Джона Дарвина «Britain and Decolonisation: The Retreat from Empire in the Post-War World (The Making of the Twentieth Century)». Работа представляет собой комплексный анализ, отчасти перекликающийся с традиционными подходами к этому вопросу. Как и многие другие авторы, Д. Дарвин настаивает на решающей роли Второй Мировой войны, как триггера, проявившего многочисленные внутренние проблемы имперской структуры. Сам же процесс распада империи был достаточно длительным и неравномерным, случившимся в результате серии причин, охватывающих проблемы метрополии, колоний и их взаимодействия. Упадок военной и экономической силы, изменение самого характера экономики, апатия в отношении империи среди жителей метрополии, наконец, приход на мировую арену новых сверхдержав – все эти факторы после 1945 года стали критическими. При этом, нельзя сказать, что британские элиты отошли от имперской идеи – они видели ее продолжение в обеспечении функционирования Содружества. Также Д. Дарвин выделяет уникальные особенности распада Британской империи – он происходил по

³⁹ Приводится по: Loveridge J. The Decline, Revival and Fall of the British Empire by John Gallagher // Not Even Past [Электронный ресурс]. URL: <http://notevenpast.org/decline-revival-and-fall-british-empire-1982/> (дата обращения: 11.03.17).

⁴⁰ Roger L.W. The British Empire in the Middle East, 1945-1951 : Arab nationalism, the United States, a. postwar imperialism. Oxford : Clarendon press, 1988. 803 p.

большей части мирно, и с сохранением определенного влияния Британии в бывших колониях⁴¹.

Экономические вопросы были в фокусе исследователей в 1990-е годы. В 1993 году П.Дж.Кейн и А.Г. Хопкинс выпустили книгу «British Imperialism; Crisis and Deconstruction, 1914-1990», в которой они обратили внимание на сохранение после 1945 года экономической структуры империи⁴².

Еще один интересный взгляд был представлен в работе У.Р. Льюиса и Р. Робинсона «Imperialism of Decolonization», вышедшей в 1994 году. Центральный тезис - выживание Британской империи в прежнем виде поддерживалось исключительно за счет американской военной и экономической силы; в итоге британские элиты осознали, что сохранения их влияния в колониях возможно только при формальном распаде империи⁴³.

В целом, историография распада Британской империи характеризуется вниманием к экономическим аспектам проблемы. Постоянно встречается тезис о добровольном отказе от империи по причине ее экономической нерентабельности.

2.2. Содружество Наций

Содружество Наций представляет собой весьма интересный феномен истории колониальных империй. Несмотря на его добровольную и коллегияльную организацию, многие видят в нем продолжение британского империализма в новой, менее затратной форме. Неудивительно, что оно также стало объектом интереса для многочисленных исследований.

⁴¹ Darwin J., Britain and decolonisation : the retreat from empire in the post-war world. New York : Palgrave Macmillan, 2002. 383 p.

⁴² Cain P.J. Hopkins A.C. British imperialism: crisis and deconstruction, 1914-1990. London ; New York : Longman, 1993. 352 p.

⁴³ Robinsin R. Louis W.R. The imperialism of decolonization // The Journal of Imperial and Commonwealth History. 1994. No 3. pp. 462-511. URL: <http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/03086539408582936?journalCode=fich20> (дата обращения: 14.03.17).

Одним из пионеров исследования Содружества стал Николас Мансерг, рассматривающий этот вопрос в достаточно позитивном ключе. В 1953 году он выпустил статью, в которой он рассматривал политику отдельных доминионов в предвоенное время. Он делает вывод, что, несмотря на то, что консультационная система, призванная обеспечить свободу, равенство, братство, оказалась неприспособлена к быстрым решениям на международной арене, она оказалась верна своим ценностям и за счет этого сыграла положительную роль⁴⁴.

В 1958 году он выпустил новую работу, на этот раз посвященную теме кооперации во время войны. Он отметил способность членов Содружества сохранять единство в сложные времена, успешно адаптироваться к вызовам. 50-е годы он называет золотым периодом в истории Содружества⁴⁵.

Стоит отметить, что ученые в самих Доминионах смотрели на содружество более критически, хотя к 1980-м отношение несколько потеплело.

Денис Джадд и Питер Слинн в своей работе от 1982 года охарактеризовали Содружество как форум для эффективной кооперации⁴⁶. В 1983 году сэр Уильям Дэйл отметил три «кардинальные особенности» поддерживающие Содружество на плаву - адаптивность короны, постоянство процесса принятия решений, влияние общего права⁴⁷.

⁴⁴ Приводится по: Ward J. M. SURVEY OF BRITISH COMMONWEALTH AFFAIRS: Survey of British Commonwealth Affairs, Problems of External Policy, 1931-1939 by N. Mansergh // The Australian Quarterly. 1952. No. 4. pp. 80-82. URL: http://www.jstor.org/stable/41317714?seq=1#page_scan_tab_contents (дата обращения: 11.03.17).

⁴⁵ Приводится по: Mills L.A. Review: Survey of British Commonwealth Affairs: Problems of Wartime Co-operation and Post-War Change, 1939-1952. by Nicholas Mansergh // Political Science Quarterly. 1959. No. 3. pp. 446-449. URL: https://www.jstor.org/stable/2146291?seq=1#page_scan_tab_contents (дата обращения: 11.03.17).

⁴⁶ Приводится по: The Oxford History of the British Empire. Vol. V: Historiography. Oxford University Press 1999. p. 590.

⁴⁷ Ibid.

К 1984 году относится работа «Содружество в 1980-х», показавшая смешанное отношение к проблеме. Один из авторов, А.Дж.Р.Грум, отмечал, что хотя Содружество не обладало необходимым инструментарием для решения проблем, оно все же могло их отслеживать. Второй автор, Пол Тейлор, занял более критическую позицию. По его мнению, Содружество основано на двух лицемериях – лицемерии структуры (равенство в принятии решений никогда не было коньком Британии) и лицемерии идеологии (конституционная демократия и антирасизм продвигались однопартийной системой, военным правлением и дискриминационными практиками)⁴⁸.

В 1988 году выходит работа Денниса Остина «Содружество и Британия». Автор называет себя верующим в Содружество, но выделяет следующие недостатки – слабая символика, спорные ценности, нелогичный перевес в сторону малых стран, слишком слабый, лишенный рычагов давления Секретариат, ксенофобия вместо братства, упадок либеральных убеждений. Но при этом положительным моментом является общая обстановка дружелюбия⁴⁹.

Достаточно позитивную оценку Содруеству дает Маргарет Докси. В своей работе от 1989 года «The Commonwealth Secretariat and the Contemporary Commonwealth» она объясняет существование Содруества тем, что для его участников преимущества превышают недостатки. Это больше практический орган, а не политический. В значительной степени Содруество держится на неформальных отношениях в сфере экономики и культуры⁵⁰.

⁴⁸ Приводится по: Beshoff P. Book Review: A.J.R. Groom and Paul Taylor (eds.), *The Commonwealth in the 1980s* (London: Macmillan, 1984, 365pp., £25.00) // *Millennium: Journal of International Studies*. 1985. No 14. pp. 118 -125. URL: <http://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/03058298850140010715> (дата обращения: 13.03.17).

⁴⁹ Приводится по: *The Oxford History of the British Empire. Vol. V: Historiography*. Oxford University Press 1999. p. 591.

⁵⁰ Ibid.

Историография Содружества, в целом, достаточно позитивно оценивает предмет своего изучения, концентрируясь при этом на культурных, а не формальных связях.

2.3. Рабство

Рабство, безусловно, занимает значимое место в современном осмыслении империализма. Это один из наиболее травматичных аспектов западной исторической памяти, составляющий фундамент так называемой «культуры вины». Разумеется, рабство в Британской империи стало объектом множества научных исследований.

Что касается основных направлений исследований по данному вопросу, то со второй половины XX века выделяется устойчивый упор на демографические аспекты, такие как численность рабов, роль африканцев в работорговле, а также ее влияние на Африку. Прежние работы были сконцентрированы на ужасах рабства, оценивали феномен с моральной точки зрения.

Демографический подход был в фокусе весьма любопытной работы Дэвида Ричардсона «The British Slave Trade to Colonial South Carolina» от 1981 года. Исследуя гендерный и возрастной состав рабов, он указывает на то, что он был следствием не предпочтений плантаторов, а выбора африканских работорговцев⁵¹.

Также исследователей интересовал вопрос побега рабов. Одной из работ по этой теме был сборник эссе Гэда Хеумана «Out of the House of Bondage: Runaways, Resistance and Maroonage in Africa and the New World», посвященный побегам рабов в Барбадосе, и в колониях – Южной и Северной

⁵¹ Richardson D. The British slave trade to Colonial South Carolina // A Journal of Slave and Post-Slave Studies. 1991. No12. pp. 125-172. URL: <http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/01440399108575039?journalCode=fsla20> (дата обращения: 25.03.17).

Каролине, так же как и в Маруне в Ямайке, где были организованы поселения в глубинах острова⁵².

Другим важным направлением исследований стало изучение организации повседневной жизни рабов. Особо характерна в этом отношении работа Иры Берлин и Филипа Д. Моргана «The Slaves Economy; Independent Production by Slaves in the Americas», вышедшая в 1991 году. Хозяева не особенно интересовались повседневной жизнью рабов, поэтому у рабов был большой контроль над своей экономикой, религией и семейной жизнью. Особой акцент в работе сделан на хозяйственных вопросах, на том, как рабы для организации своей жизни использовали все, что было под рукой⁵³. Были и другие работы, посвященные этой тематике⁵⁴.

Исследователей также волновала жизнь свободных цветных в колониальных империях. Исследование вышеупомянутого Гэда Хеумана «Between Black and White: Race, Politics and the Free Coloreds in Jamaica, 1792-1865» указывает на то, что хоть их права и были ограничены, но их сообщества быстро росли и обретали значимость⁵⁵.

В большей степени интерес к рабству был характерен для американской, а не британской историографии. Это вполне объяснимо – в американской истории рабство сыграло более драматичную роль, став причиной кровопролитной Гражданской войны, а его наследие становилось причиной волнений вплоть до современности. В Британской империи

⁵² Heuman G. J. Out of the House of Bondage: Runaways, Resistance and Marronage in Africa and the New World. Psychology Press, 1986. 199 с.

⁵³ Berlin I. Morgan P.D. The slaves' economy : independent production by slaves in the Americas. London : Cass, 1995. 213 с.

⁵⁴ Higman B. W. The Slave Family and Household in the British West Indies, 1800-1834 // The History of the Family. 1975. No. 2. pp. 261-287. URL: https://www.jstor.org/stable/202234?seq=1#page_scan_tab_contents (дата обращения: 16.03.17).

⁵⁵ Приводится по: Lowes S. Review: Between black and white: race, politics, and the free coloreds in Jamaica, 1792-1865 by Gad J. Heuman // New West Indian Guide. 1985. No. ½. pp. 78-80. URL: https://www.jstor.org/stable/41849199?seq=1#page_scan_tab_contents (дата обращения: 16.03.17).

работорговля была запрещена в 1807 году, а полностью рабство было отменено на всей территории империи в 1833 году. Для британской историографии более значим другой момент – мотивы, побудившие покончить с рабством. До 1940-х годов по этому поводу в британской историографии существовал консенсус, вдохновленный Реджинальдом Капландом и его тезисом о том, что в основе освобождения рабов лежало негативное общественное мнение, исходившее из религиозных чувств и гуманизма. Но в 1944 году выходит работа тринидатского историка и политика Эрика Уильямса, бросающая вызов этой концепции. Книга, озаглавленная «Capitalism and Slavery», выдвинула следующую идею – изначально работорговля должна была стать источником средств для промышленной революции, когда та была совершенна, работорговля перестала быть прибыльной и только по этой причине было отменена⁵⁶. Идея получила широкое распространение, но с 1960-х годов стала предметом особых противоречий.

Одним из последовательных критиков этой концепции был Роджер Энсти, который в серии статей проанализировал вопросы рабства и не нашел никакой связи с финансированием промышленной революции⁵⁷. Другая волна критики была связана с ролью общественного движения за отмену рабства. Ряд исследователей настаивал на том, что антирабовладельческие идеи заняли доминирующее положение в общественном сознании в те годы, и политики, если хотели быть переизбранными, должны были ориентироваться на эти настроения⁵⁸.

⁵⁶ Williams E. Capitalism and Slavery. The University of North Carolina Press, 1944. 317 p. URL: <http://jroan.com/Capitalism%20and%20Slavery%20-%20Eric%20Williams.pdf> (дата обращения: 21.03.17).

⁵⁷ Anstey R. T. Capitalism and Slavery: A Critique // The Economic History Review. 1968. No. 2. pp. 307-320. URL: https://www.jstor.org/stable/2592438?seq=1#page_scan_tab_contents (дата обращения: 21.03.17).

⁵⁸ Приводится по: The Oxford History of the British Empire. Vol. V: Historiography. Oxford University Press 1999. p. 348.

Дебаты вокруг работы Уильямса еще далеки от завершения, но в целом можно констатировать достаточно критическое к ней отношение. А то, как английская историография цепляется за идею о роли общественного мнения в отмене рабства, также весьма показательна.

2.4. Научно-технический прогресс и медицина

Во время существования Британской империи эта сфера исторических исследований рассматривалась как удел антикваров и любителей. Наука и медицина в самой империи использовались для нужд завоевания и расселения на незнакомых и некомфортных ландшафтах. Наука развивалась в процессе экспедиций. Наука и техника определяли образ империи, и, что важно, рассматривались как те блага, которые колонизаторы приносят покоренным народам, что подкрепляло Вигскую интерпретацию истории. Интерес к истории науки и медицины первоначально был характерен для социологии и развивался преимущественно в США. Тем не менее, в английской историографии этот вопрос также приобрел внимание, особенно на волне Новой имперской истории.

Одним из таких исследований стала работа Кристины Болт «Victorian attitudes to race», которая показывала как европейские достижения в антропологии, биологии и техническом прогрессе укрепляли расизм британских колонизаторов в Африке⁵⁹. Отчасти похожую идею раскрывает работа Рональда Хаэма «Britains Imperial Century, 1815-1915: A study of Empire and Expansion». Один из тезисов - использование современной науки помогло сконструировать образ расовых «Чужих»⁶⁰.

⁵⁹ Приводится по: Lees L. H. Review: Victorian Attitudes to Race by Christine Bolt // The Journal of Interdisciplinary History. 1973. No. 1. pp. 140-145. URL: https://www.jstor.org/stable/202366?seq=1#page_scan_tab_contents (дата обращения: 21.03.17).

⁶⁰ Hyam R. Britain's Imperial Century, 1815-1914: A Study of Empire and Expansion. Palgrave Macmillan; 3rd edition, 2002. 377 p.

Также исследователи проявляли интерес к роли технических достижений в британской экспансии. Анализировалась роль пароходов, телеграфов и экономической ботаники⁶¹.

В 1980-е годы внимание ученых обратилось на имперскую медицину. Одна из основных идей работ этого времени соответствовала духу постколониальной теории – как продвинутая медицина дала уверенность колонизаторов в собственном превосходстве, и таким образом, на психологическом уровне определила подчиненное состояние аборигенов. В том же духе были выполнены работы, исследовавшие социальное конструирование медицинских знаний⁶².

Интересовали ученых и организационные вопросы, связанные с медициной – колониальные истоки современных систем здравоохранения. Исследование, проведенное в отношении индийской системы здравоохранения, показало, что колониальную администрацию и в равной степени индийскую элиту мало волновало здоровье бедных слоев населения⁶³.

Помимо собственно организационных и ментальных аспектов имперской медицины, ученых также интересовал и предмет ее назначения, то есть лечение болезней. Основная задача, которую решала европейская медицина в колониях – это преодоление эпидемий, которые на ранних этапах колонизации были чрезвычайно серьезной проблемой, унося многие тысячи жизней.

Разумеется, представители постколониальной теории пытались интерпретировать проблему в категориях власти и подчинения. Они писали

⁶¹ Приводится по: The Oxford History of the British Empire. Vol. V: Historiography. Oxford University Press 1999. p.297.

⁶² Ibid.

⁶³ Приводится по: Khan S. Review: Studying Colonial Medicine: Public Health in British India: Anglo-Indian Preventive Medicine, 1859-1914 by Mark Harrison // Social Scientist. 1996. No. 1/3. pp. 135-139. URL: https://www.jstor.org/stable/3520124?seq=1#page_scan_tab_contents (дата обращения: 22.03.17).

свои работы исходя из соображения, что, вылечив эпидемии, западные доктора показали свое превосходство (и своей цивилизации) над местными жителями, закрепив эту позицию в сознании покоренных народов. В таком ключе была выполнена работа Меган Воган, в которой вводилось понятие «власти над телом», установив которую, медицина метрополии (разумеется, социально сконструированная) использовалась для угнетения и подчинения местного населения⁶⁴.

Еще одна критическая точка зрения вменяла в вину самим колонизаторам распространение эпидемий. Одни ученые настаивали на роли плантационных работ, индустрии и ирригации, через которые колонисты неосознанно распространили новые болезни. Другие видели причины эпидемий в так старательно выстраиваемой европейцами системе глобальной торговли.

Со временем появились и несколько менее критично настроенные работы. Одной из таких достаточно значимых работ стала статья Теренса Рейнджера «Godly Medicine; The Ambiguities of Medical Missions in Southeastern Tanzania, 1900-45». В ней автор доказывал, что местная система здравоохранения выстраивалась путем синтеза практик метрополии и автохтонных⁶⁵. Кроме того, несколько дистанцированной от постколониального мейнстрима выглядит книга Дэвида Арнольда «Colonizing the Body: State Medicine and Epidemic Disease in Nineteenth-Century India» от 1993 года. В ней он показал, как медленно рос контроль Британии над здравоохранением Индии, и как индийцы участвовали в этом процессе. Только когда эпидемии начали угрожать самим британцам, те начали агрессивное наступление на индийские лечебные практики. Индийцы

⁶⁴ Приводится по: Packard R.M. Review: Curing Their Ills: Colonial Power and African Illness by Megan Vaughan // The International Journal of African Historical Studies. 1992. No. 1. pp. 216-220. URL: https://www.jstor.org/stable/220193?seq=1#page_scan_tab_contents (дата обращения: 22.03.17).

⁶⁵ Приводится по: The Oxford History of the British Empire. Vol. V: Historiography. Oxford University Press 1999. p.306.

сначала сопротивлялись, но к концу столетия индийские элиты адаптировали для себя практики метрополии⁶⁶. То есть, со временем возобладал взгляд на медицину в колониях, как на продукт взаимодействия метрополии и колоний.

В духе взаимодействия науки и имперской экспансии было сформулирована новая весьма интересная концепция, видевшая ученых как своего рода «суб-империалистов», косвенно подталкивающих империю к экспансии. Ранее упоминавшийся Джон М. Маккензи в своей работе «Imperialism and the Natural World» от 1990 года описывает, как развитие и экспансия империи сформировали науку в самой Британии. Он приходит к выводу, что наука от колониальной экспансии получила значительно больше выгоды, чем финансовые предприятия⁶⁷.

В таком же духе высказались известные ученые П. Дж. Кейн и А. Дж. Хопкинс, показав в своем исследовании «British Imperialism, 2 vol», как наука «откармливалась», «паразитировала» на империализме⁶⁸.

Постепенно происходил отход от концепции империи и ее науки, как преступлений совершенных Британией по отношению к ее колониям. В соответствии с трендами Новой Имперской истории наука начинается рассматриваться во взаимодействии метрополии и колоний. Упомянутое

⁶⁶ Приводится по: Apffel-Marglin F. Review: Colonizing the Body: State Medicine and Epidemic Disease in Nineteenth-Century India by David Arnold // Medical Anthropology Quarterly. 1996. No. 3. pp. 437-439. URL:

https://www.jstor.org/stable/649133?seq=1#page_scan_tab_contents (дата обращения: 22.03.17).

⁶⁷ Приводится по: Brantlinger P. Imperialism and the Natural World edited by John M. MacKenzie // Victorian Review. 1991. №.2. pp. 86-90. URL:

<https://muse.jhu.edu/article/462570/pdf> (дата обращения: 21.03.17).

⁶⁸ Приводится по: Wark W.K. Review: British Imperialism: Innovation and Expansion, 1688-1914 by P. J. Cain; A. G. Hopkins // The Journal of Modern History. 1996. No. 2. pp. 451-453. URL: https://www.jstor.org/stable/pdf/2124682.pdf?seq=1#page_scan_tab_contents (дата обращения: 21.03.17).

ранее исследование К.А. Бейли также показало, как благодаря подобному взаимодействию обогатились география и физика⁶⁹.

Также Новая Имперская история стремилась рассматривать различные системы знаний в их собственных терминах и категориях. Большое внимание уделялось процедурам унификации и категоризации колонизаторами получаемых в колониях данных.

2.5. Постколониальная теория и гендерные исследования

Постколониальная теория уже неоднократно упоминалась в этой работе. В первой главе была сделана попытка дать общую характеристику данному направлению. Напомним, что начало постколониальной теории положил американский исследователь пакистанского происхождения Эдвард Саид в своей работе «Ориентализм» от 1979 года. Эта деконструкция европейского дискурса Востока вдохновила множество исследователей на изучение таких «неполитических» сфер жизни империи, как культура, наука, ментальность, гендер и прочих, как инструментов конструирования отношений власти-подчинения. До сих пор в исторической науке нет единого мнения по поводу роли постколониальной теории. Одни считают, что этот новый подход встряхнул находившуюся в застое имперскую историю с ее устаревшим противостоянием про- и антиимпериалистов. Другие обращают внимание на многочисленные методологические изъяны постколониальной теории, ее однобокость и слабость эмпирической базы. В этом параграфе будут кратко охарактеризованы основные работы, относящиеся к рассматриваемому периоду.

Для начала, работа Э. Саида обратила внимание историков на колониальную документацию. Заметен интерес к каталогизации и описанию в имперских документов неевропейских обществ. На этом

⁶⁹ Приводится по: Sweetman W. Review: Empire and Information: Intelligence Gathering and Social Communication in India, 1780-1870 by C. A. Bayly // Modern Asian Studies. 1998. No. 1. pp. 245-251. URL: https://www.jstor.org/stable/312975?seq=1#page_scan_tab_contents (дата обращения: 22.03.17).

концентрировалась коллективная монография Эрика Хобсбаума и знакомого нам уже Теренса Рейнджера «Изобретение традиции» от 1983 года⁷⁰. Также, упомянутая ранее работа Дэвида Арнольда «Colonizing the Body: State Medicine and Epidemic Disease in Nineteenth-Century India» рассматривала документацию колониальной администрации с точки зрения того, как она способствовала утверждению имперской власти⁷¹.

Смежными вопросами еще до выхода книги Э. Саида занимались ученые марксистского направления. В 1963 году вышла работа Е. Томпсона «The Making of the English Working Class». В ней автор отмечает, что правящие классы отняли у эксплуатируемых право на интерпретацию своей истории, из-за чего угнетенные классы не знают своего подлинного прошлого⁷². Другой ученый, Эрик Стоукс, применил эту парадигму в отношении крестьянства⁷³.

В Великобритании работу Э. Саида приняли не так тепло, как, скажем, в США, но и в ней звучали голоса в поддержку «Ориентализма». Тут можно отметить статью Розалинд О'Ханлон «Recovering the Subject», в которой она критикует деятелей эпохи Просвещения за то, что они присвоили себе понятия Разума и Свободы, позволив европейцам использовать их для поддержания своей тирании в колониях⁷⁴. Стоит сказать, что со временем она

⁷⁰ Hobsbawm E. and Ranger T. The Invention of Tradition. Cambridge University Press, 1983. 324 p. URL:

http://psi424.cankaya.edu.tr/uploads/files/Hobsbawm_and_Ranger_edds_The_Invention_of_Tradition.pdf (дата обращения: 22.03.17).

⁷¹ Приводится по: Apffel-Marglin F. Review: Colonizing the Body: State Medicine and Epidemic Disease in Nineteenth-Century India by David Arnold // Medical Anthropology Quarterly. 1996. No. 3. pp. 437-439. URL:

https://www.jstor.org/stable/649133?seq=1#page_scan_tab_contents (дата обращения: 22.03.17).

⁷² Thompson E.P. The Making of the English Working Class. A Division of Random House, 1963. 849 p. URL: <https://uncomradelybehaviour.files.wordpress.com/2012/04/thompson-ep-the-making-of-the-english-working-class.pdf> (дата обращения 28.03.17).

⁷³ Stokes E. The Peasant and the Raj: Studies in Agrarian Society and Peasant Rebellion in Colonial India. - CUP Archive, 1980 308 p.

⁷⁴ O'Hanlon R. Recovering the Subject Subaltern Studies and Histories of Resistance in Colonial South Asia // Modern Asian Studies. 1988. No. 1. pp. 189-224. URL:

изменила свою позицию в отношении концепции Э. Саида в сторону более критической.

Теренс Рейнджер дополнил свои прежние выводы в статье от 1994 года «The Invention of Tradition Revisited» в сборнике «Inventions and Boundaries; Historical and Anthropological Approaches to the Study of Ethnicity and Nationalism». В ней он делает вывод, что знания о колониях «конструировались» через взаимодействие с местными и при их непосредственном участии⁷⁵. Таким образом, в очередной раз встречается идея о взаимном влиянии друга на друга метрополии и колоний.

Стоит сказать также несколько слов и о гендерных исследованиях. В рассматриваемый период они пока представлены не так сильно, но ряд знаковых работ все же выпускался. И учитывая их роль в нынешнем академическом дискурсе, можно предположить, что они оказали влияние на современное восприятие империализма.

Достаточно нейтральным направлением в этой области было изучение мемуаристики. Одна из таких работ, вышедшая в 1992 году, исследовала воспоминаний членов колониальной администрации и из жен, особое внимание в книге было уделено функционированию в рамках империи концептов «мужественности» и «женственности»⁷⁶.

Пожалуй, наиболее известная работа в этой области за рассматриваемый период принадлежит перу Рональда Хайэма. В 1990 году он выпустил книгу «Empire and Sexuality; The British Experience». Она рассказывает о том, как британские представление о гендере и сексуальности

https://www.jstor.org/stable/312498?seq=1#page_scan_tab_contents (дата обращения 28.03.17).

⁷⁵ Ranger T. The Invention of Tradition Revisited: The Case of Colonial Africa // Inventions and Boundaries: Historical and Anthropological Approaches to the Study of Ethnicity and Nationalism. 1994. No.11. pp. 5-50. URL:

<http://ojs.ruc.dk/index.php/ocpa/issue/view/774/showToc> (дата обращения 28.03.17).

⁷⁶ Приводится по: The Oxford History of the British Empire. Vol. V: Historiography. Oxford University Press 1999. p.308.

сталкивались с таковыми у колонизированных народов. Причем, автор считает, что это столкновение пошло на пользу, как колонизаторам, так и колонизируемым. Также он настаивает на том, что роль женщин в империи была не настолько принижена, как считают феминистки. Он в принципе выступает с резкой критикой современного ему феминизма⁷⁷.

В фокусе внимания исследователей находились также роли женщин в колониальных взаимоотношениях и положение женщин в среде аборигенов. Первый вопрос исследовался в работе Х. Кэллэвей «Gender, Culture and Empire; European Women in Colonial Nigeria» - особенно она концентрируется на теме взаимоотношений женщин с колонизируемыми. Второй вопрос рассмотрен в книге Д. Джитер «Marriage, Perversion, and Power: The Construction of Moral Discourse in Southern Rhodesia, 1894-1930»⁷⁸.

Стоит отметить еще одну работу, посвященную роли женщин в движении за отмену рабства – вышедшую в 1992 году книгу Клэр Мидгли «Women Against Slavery: The British Campaigns, 1780-1870». Автор настаивает на активной и независимой роли женщин в антирабовладельческих организациях⁷⁹.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что гендерные исследования в рассматриваемый период, во-первых, были не особо восприняты британской исторической наукой, во-вторых, держались несколько в стороне от присущего западной науке тренда на угнетенное положение гендерных меньшинств.

⁷⁷ Приводится по: Gilman S.L. Review: Empire and Sexuality: The British Experience by Ronald Human; John M. MacKenzie // The Journal of Modern History. 1991. No. 4. pp. 753-758. URL: https://www.jstor.org/stable/2938588?seq=1#page_scan_tab_contents (дата обращения 28.03.17).

⁷⁸ Приводится по: The Oxford History of the British Empire. Vol. V: Historiography. Oxford University Press 1999. p.309

⁷⁹ Ibid, p. 348.

Заключение

Английская историография, как было сказано в упомянутой во введении диссертации Г.И. Зверевой, отличается сочетанием своеобразности с включенностью в общеевропейскую академическую среду⁸⁰. Это, в принципе, можно рассматривать как еще одно проявление «островной сущности» Великобритании, которая «вроде бы и Европа, но вроде и не совсем». Эта черта проглядывается в том, как английская историография отреагировала на становление Новой Имперской истории – она восприняла ее, но по-своему.

Что касается собственно британских подходов к проблеме, то здесь выделяется центральная идея – многообразие. Что в основополагающей статье Р. Робинсона Д. Галлахера «Imperialism of Free Trade», что в работах Д. Дарвина, Д. К. Филдхауса и Д. Маккензи – везде прослеживается линия на представление империи, как сложной совокупности множества непохожих друг на друга структур. Структур, которые не могли все быть выстроены только с помощью насилия, которые не могли все управляться унифицированным образом. В конце концов, структур, опирающихся на систему союзов с местными элитами. Подобная концепция идет вразрез с идеей империи, построенной на завоевании, и, причудливым образом, созвучна модели мультикультурализма. Это даже дало некоторым исследователям повод сомневаться в том, а была ли вообще Британская империя или же это в большей степени пропагандистское клише⁸¹.

Говоря о принятии постколониальной теории, как мы увидели в последних параграфах первой и второй глав, она встретила острую критику своей методологии, хоть и вдохновила немалое число исследователей. Другое дело, что эти исследователи разрабатывали эту тематику по-своему,

⁸⁰ Зверева Г. И. Британская историография в контексте академической культуры XX века : Автореф. дис. на соиск. учен. степ. д.ист.н. М, 1998. С.33-35.

⁸¹ Chamberlain M. E. "Pax Britannica"? : Brit. foreign policy, 1789-1914. London ; New York : Longman, 1988. pp.7-8.

дистанцируясь от своего источника вдохновения. Среди таковых стоит еще раз упомянуть Р. Хайэма и Д. Маккензи. Конечно, было достаточно и тех исследователей, что полностью восприняли парадигму постколониальной теории. Но они по большей части находились в тени того же Р. Хайэма. Естественно, можно предположить, что причина кроется в консерватизме британской академической среды. Недаром, титульные работы по Британской империи ведущих учебных заведений, Кембриджа и Оксфорда, обвинялись в игнорировании постколониальной теории и проимперской позиции. Так что, это можно рассматривать как одну из причин.

Показательны также акценты, которые делали ученые, рассматривая конкретные темы. То, что Великобритания покончила со своей империей по доброй воле и мирным путем. Или же в исследованиях, посвященных рабству, упор на народное движение за его отмену. Акцент на неформальные дружеские связи при изучении работы Содружества. Сюда же конструирование колониальных систем здравоохранения на синтезе местных и имперских практик, конструирование знаний о колонизируемых при их активном участии.

Конечно, сейчас уже никто не мыслит в рамках вигской интерпретации истории, никто не настаивает на цивилизаторской миссии Британии при колонизации, никто прямо не отстаивает положительную роль империи. Исследования второй половины XX века сместили акцент таким образом, чтобы в фокусе оказались не вопросы морали, позитивного или негативного вклада империализма, а более конкретные аспекты функционирования империи, как то экономика, бюрократия, культура и прочие. Это, в принципе, характерный процесс для развивающихся отраслей науки – преодоление сильных на первых порах ценностных и идеологических ориентаций в пользу более академичных и отстраненных подходов. Когда этот процесс произошел с имперской историей, он позволил взглянуть на нее более взвешенным

взглядом, объективно оценить плюсы и минусы в отрыве от политической ориентации.

Таким образом, в соответствии с задачами исследования были выявлены пути, благодаря которым Британская империя могла приобретать положительные коннотации в исторических трудах, а через них, со временем, и в массовом сознании британцев. Это было достигнуто, прежде всего, за счет смещение акцента в сторону определенных тем и аспектов ключевых проблем (как было показано выше). Сыграла важную роль и разработка соответствующей методологической базы и набора концептов. Вышеперечисленные факторы сработали вкуче с благоприятной академической и культурной средой.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

- 1) *Сили Дж.Р.* Расширение Англии: Два курса лекций. СПб: О.Н. Попова, ценз. 1903. – 239 с.
- 2) *Anstey R. T.* Capitalism and Slavery: A Critique // // The Economic History Review. 1968. No. 2. pp. 307-320. URL: https://www.jstor.org/stable/2592438?seq=1#page_scan_tab_contents (дата обращения: 21.03.17).
- 3) *Atmore A. E.* The Extra-European Foundations of British Imperialism: Towards a Reassessment // British Imperialism in the Nineteenth Century. 1972. pp. 106-125. URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007%2F978-1-349-17655-7_6 (дата обращения: 18.03.17).
- 4) *Barnett C.* The collapse of British power. London : Eyre Methuen, 1972. – 643 p.
- 5) *Berlin I. Morgan P.D.* The slaves' economy : independent production by slaves in the Americas. London : Cass, 1995. – 213 p.
- 6) *Cain P.J. Hopkins A.G.* British imperialism: crisis and deconstruction, 1914-1990. London ; New York : Longman, 1993. – 352 с.
- 7) *Cain P.J. Hopkins A.G.* Gentlemanly Capitalism and British Expansion Overseas I. The Old Colonial System, 1688-1850 // The Economic History Review. 1986. No. 4. pp. 501–525. URL: https://www.jstor.org/stable/2596481?seq=1#page_scan_tab_contents (дата обращения: 21.03.17).
- 8) *Chamberlain M. E.* "Pax Britannica"? : Brit. foreign policy, 1789-1914. London ; New York : Longman, 1988. – 244 p.
- 9) *Darwin J.* Britain and decolonisation : the retreat from empire in the post-war world. New York: Palgrave Macmillan, 2002. – 383 p.
- 10) *Darwin J.* Imperialism and the Victorians: The Dynamics of Territorial Expansion // The English Historical Review. 1997. No. 447. pp. 614-642. URL: https://www.jstor.org/stable/576347?seq=1#page_scan_tab_contents (дата обращения: 22.03.17).
- 11) *Gallagher J. Robinson R.* The Imperialism of Free Trade // The Economic History Review. 1953. No. 1. pp. 1-15. URL: https://www.jstor.org/stable/2591017?seq=1#page_scan_tab_contents (дата обращения: 10.03.17).

- 12) *Heuman G. J.* Out of the House of Bondage: Runaways, Resistance and Marronage in Africa and the New World. Psychology Press, 1986. – 199 p.
- 13) *Higman B.W.* The Slave Family and Household in the British West Indies, 1800-1834 // *The History of the Family*. 1975. No. 2. pp. 261-287. URL:
https://www.jstor.org/stable/202234?seq=1#page_scan_tab_contents
(дата обращения: 16.03.17)
- 14) *Hobsbawm E. Ranger T.* The Invention of Tradition Cambridge University Press, 1983. – 324 p. URL:
http://psi424.cankaya.edu.tr/uploads/files/Hobsbawm_and_Ranger_edu_The_Invention_of_Tradition.pdf (дата обращения: 22.03.17).
- 15) *Hyam R.* Britain's Imperial Century, 1815-1914: A Study of Empire and Expansion Palgrave Macmillan; 3rd edition, 2002. – 377 p.
- 16) *O'Hanlon R.* Recovering the Subject Subaltern Studies and Histories of Resistance in Colonial South Asia // *Modern Asian Studies*. 1988. No. 1. pp. 189-224. URL:
https://www.jstor.org/stable/312498?seq=1#page_scan_tab_contents
(дата обращения 28.03.17).
- 17) *Peabody N.* Tod's Rajast'han and the Boundaries of Imperial Rule in Nineteenth-Century India // *Modern Asian Studies*. 1996. No. 1. pp. 185-220. URL:
https://www.jstor.org/stable/312906?seq=1#page_scan_tab_contents
(дата обращения: 28.03.17).
- 18) *Porter A.* ‘Gentlemanly capitalism’ and empire: The British experience since 1750? // *The Journal of Imperial and Commonwealth History*. 1990. No. 3. pp. 265-295. URL:
<http://ell507.cankaya.edu.tr/uploads/files/Gentlemanly%20Capitalism.pdf>
(дата обращения: 21.03.17).
- 19) *Ranger T.* The Invention of Tradition Revisited: The Case of Colonial Africa // *Inventions and Boundaries: Historical and Anthropological Approaches to the Study of Ethnicity and Nationalism*. 1994. No.11. pp. 5-50. URL: <http://ojs.ruc.dk/index.php/ocpa/issue/view/774/showToc>
(дата обращения 28.03.17)
- 20) *Richardson D.* The British slave trade to Colonial South Carolina // *A Journal of Slave and Post-Slave Studies*. 1991. No 12. pp. 125-172. URL:
<http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/01440399108575039?journalCode=fsla20> (дата обращения: 25.03.17).

- 21) *Robinson R. Louis W.R.* The imperialism of decolonization // The Journal of Imperial and Commonwealth History. 1994. No 3. pp. 462-511. URL:
<http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/03086539408582936?journalCode=fich20> (дата обращения: 14.03.17).
- 22) *Roger L.W.* The British Empire in the Middle East, 1945-1951 : Arab nationalism, the United States, a. postwar imperialism. Oxford: Clarendon press, 1988. – 803 p.
- 23) *Stokes E.* The Peasant and the Raj: Studies in Agrarian Society and Peasant Rebellion in Colonial India, CUP Archive, 1980 – 308 p.
- 24) *Thompson E.P.* The Making of the English Working Class // A Division of Random House, 1963. – 849 p. URL:
<https://uncomradelybehaviour.files.wordpress.com/2012/04/thompson-ep-the-making-of-the-english-working-class.pdf> (дата обращения 28.03.17).
- 25) *Webster A.* The debate on the rise of the British Empire. Manchester University Press, 2006. – 208 p.

Литература

- 1) *Ассман А.* Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 328 с.
- 2) *Гобсон Дж А.* Империализм. Либроком, 2010. – 288 с.
- 3) *Зверева Г. И.* Британская историография в контексте академической культуры XX века : Автореф. дис. на соиск. учен. степ. д.ист.н. М, 1998. – 44 с.
- 4) *Ленин В. И.* Империализм, как высшая стадия капитализма. ЛКИ, 2001. – 122 с.
- 5) *Саид Э.* Ориентализм. Западные концепции Востока. Русский мир, 2006. – 640 с.
- 6) *Уэбстер Ф.* Теории информационного общества. М. Аспект Пресс, 2004. – 412 с.
- 7) The Oxford History of the British Empire. Vol. V: Historiography. – Oxford University Press 1999. – 756 p.
- 8) *Williams E.* Capitalism and Slavery // The Economic History Review. 1968. No. 2. pp. 307-320. URL:
<http://jroan.com/Capitalism%20and%20Slavery%20-%20Eric%20Williams.pdf> (дата обращения: 21.03.17).

Статъи

- 1) *Apffel-Marglin F.* Review: Colonizing the Body: State Medicine and Epidemic Disease in Nineteenth-Century India by David Arnold // *Medical Anthropology Quarterly*. 1996. No. 3. pp. 437-439. URL: https://www.jstor.org/stable/649133?seq=1#page_scan_tab_contents (дата обращения: 22.03.17).
- 2) *Baker C.J.* Review: Pluralist Politics in British India: The Cambridge Cluster of Historians of Modern India: The Politics of South India, 1920-1937 // *The American Historical Review*. 1979. No. 3. pp. 688-707. URL: https://www.jstor.org/stable/1855403?seq=1#page_scan_tab_contents (дата обращения: 19.03.17).
- 3) *Beshoff P.* Book Review: A.J.R. Groom and Paul Taylor (eds.), *The Commonwealth in the 1980s* (London: Macmillan, 1984, 365pp., £25.00) // *Millennium: Journal of International Studies*. 1985. No 14. pp. 118 -125. URL: <http://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/03058298850140010715> (дата обращения: 13.03.17).
- 4) *Brantlinger P.* *Imperialism and the Natural World* edited by John M. MacKenzie // *Victorian Review*. 1991. №.2. pp. 86-90. URL: <https://muse.jhu.edu/article/462570/pdf> (дата обращения: 21.03.17).
- 5) *Fisher M.H.* Review: *The New Cambridge History of India. Volume II.1. Indian Society and the Making of the British Empire.* by C. A. Bayly// *Pacific Affairs*. 1989. No. 1. pp. 125-127. URL: https://www.jstor.org/stable/2760295?seq=1#page_scan_tab_contents (дата обращения: 22.03.17).
- 6) *Gilman S.L.* Review: *Empire and Sexuality: The British Experience* by Ronald Hyman; John M. MacKenzie // *The Journal of Modern History*. 1991. No. 4. pp. 753-758. URL: https://www.jstor.org/stable/2938588?seq=1#page_scan_tab_contents (дата обращения 28.03.17).
- 7) *Kennedy D.* Review: *Orientalism: History, Theory, and the Arts* by John M. MacKenzie // *The International History Review*. 1996. No. 4. pp. 912-914. URL: http://www.jstor.org/stable/40107585?seq=1#page_scan_tab_contents (дата обращения: 21.03.17).
- 8) *Khan S.* Review: *Studying Colonial Medicine: Public Health in British India: Anglo-Indian Preventive Medicine, 1859-1914* by Mark Harrison // *Social Scientist*. 1996. No. 1/3. pp. 135-139. URL: https://www.jstor.org/stable/3520124?seq=1#page_scan_tab_contents (дата обращения: 22.03.17).

- 9) *Kidron M.* After the end of Empire // *Socialist Review*. 1960. No. 1. pp. 68–74. URL: <https://www.marxists.org/archive/kidron/works/1960/01/after.htm> (дата обращения: 11.03.17).
- 10) *Leask N.* Review: *Ungoverned Imaginings: James Mill's "History of British India" and Orientalism* by Javed Majeed // *Colonial and Post-Colonial History*. 1993. No. 36. pp. 242-249. URL: https://www.jstor.org/stable/4289262?seq=1#page_scan_tab_contents (дата обращения 28.03.17).
- 11) *Lees L. H.* Review: *Victorian Attitudes to Race* by Christine Bolt // *The Journal of Interdisciplinary History*. 1973. No. 1. pp. 140-145. URL: https://www.jstor.org/stable/202366?seq=1#page_scan_tab_contents (дата обращения: 21.03.17).
- 12) *Lowes S.* Review: *Between black and white: race, politics, and the free coloreds in Jamaica, 1792-1865* by Gad J. Heuman // *New West Indian Guide*. 1985. No. ½. pp. 78-80. URL: https://www.jstor.org/stable/41849199?seq=1#page_scan_tab_contents (дата обращения: 16.03.17).
- 13) *Marshall P.J.* Review: *Rulers, Townsmen and Bazaars: Rulers, Townsmen and Bazaars: North Indian Society in the Age of British Expansion, 1770-1870* by C. A. Bayly // *Modern Asian Studies*. 1984. No. 1. pp. 153-156. URL: https://www.jstor.org/stable/312387?seq=1#page_scan_tab_contents (дата обращения: 22.03.17).
- 14) *Maughan-Brow D.* Review: *Imperialism and Popular Culture* by John M. MacKenzie // *The International Journal of African Historical Studies*. 1987. No. 3. pp. 556-558. URL: https://www.jstor.org/stable/219728?seq=1#page_scan_tab_contents (дата обращения: 21.03.17).
- 15) *Mills L.A.* Review: *Survey of British Commonwealth Affairs: Problems of Wartime Co-operation and Post-War Change, 1939-1952.* by Nicholas Mansergh // *Political Science Quarterly*. 1959. No. 3. pp. 446-449. URL: https://www.jstor.org/stable/2146291?seq=1#page_scan_tab_contents (дата обращения: 11.03.17).
- 16) *Osterhammel J.* Review: *Imperial Meridian: The British Empire and the World 1780-1830* by C. A. Bayly // *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. 1993. No. 1. pp. 91-93. URL: https://www.jstor.org/stable/3632475?seq=1#page_scan_tab_contents (дата обращения: 22.03.17).

- 17) *Packward R.M.* Review: *Curing Their Ills: Colonial Power and African Illness* by Megan Vaughan // *The International Journal of African Historical Studies*. 1992. No. 1. pp. 216-220. URL: https://www.jstor.org/stable/220193?seq=1#page_scan_tab_contents (дата обращения: 22.03.17).
- 18) *Shepperson G.* Review: *Africa and the Victorians. The Official Mind of Imperialism* by Ronald Robinson; John Gallagher; Alice Denny // *The English Historical Review*. 1963. No. 307. pp. 345-347. URL: https://www.jstor.org/stable/560048?seq=1#page_scan_tab_contents (дата обращения: 19.03.17).
- 19) *Sweetman W.* Review: *Empire and Information: Intelligence Gathering and Social Communication in India, 1780-1870* by C. A. Bayly // *Modern Asian Studies*. 1998. No. 1. pp. 245-251. URL: https://www.jstor.org/stable/312975?seq=1#page_scan_tab_contents (дата обращения: 22.03.17).
- 20) *Taylor P.M.* Review: *Propaganda and Empire: The Manipulation of British Public Opinion, 1880-1960* by John M. MacKenzie // *The Journal of Modern History*. 1986. No. 4. pp. 923-926. URL: https://www.jstor.org/stable/pdf/1880131.pdf?seq=1#page_scan_tab_contents (дата обращения: 21.03.17).
- 21) *Ward J. M.* *SURVEY OF BRITISH COMMONWEALTH AFFAIRS: Survey of British Commonwealth Affairs, Problems of External Policy, 1931-1939* by N. Mansergh // *The Australian Quarterly*. 1952. No. 4. pp. 80-82. URL: http://www.jstor.org/stable/41317714?seq=1#page_scan_tab_contents (дата обращения: 11.03.17).
- 22) *Wark W.K.* Review: *British Imperialism: Innovation and Expansion, 1688-1914* by P. J. Cain; A. G. Hopkins // *The Journal of Modern History*. 1996. No. 2. pp. 451-453. URL: https://www.jstor.org/stable/pdf/2124682.pdf?seq=1#page_scan_tab_contents (дата обращения: 21.03.17).

Интернет-ресурсы

- 1) Лингвистический поворот в историческом познании // Понятия и категории [Электронный ресурс] URL: <http://ponjatija.ru/node/13150> (дата обращения: 15.03.17).
- 2) At home with history: Macaulay and the history of England // *At Home with the Empire: Metropolitan Culture and the Imperial World*. 2006. pp. 32-52

- [Электронный ресурс].. URL: <http://discovery.ucl.ac.uk/12387/> (дата обращения: 17.03.17).
- 3) *Butterfield H.* The Whig Interpretation of History // School of English and American studies [Электронный ресурс]. URL: http://seas3.elte.hu/coursematerial/LojkoMiklos/Butterfield,_The_Whig_Interpretation_of_History.pdf (дата обращения: 18.03.17).
 - 4) *Dahlgreen W.* The British Empire is 'something to be proud of' // YouGov [Электронный ресурс]. URL: <https://yougov.co.uk/news/2014/07/26/britain-proud-its-empire/> (дата обращения: 17.03.17).
 - 5) *Ghosh D.* Another Set of Imperial Turns? // The American Historical Review | Oxford Academic: [Электронный ресурс]. URL: <https://academic.oup.com/ahr/article/117/3/772/33359/Another-Set-of-Imperial-Turns-Durba-GhoshAnother> (дата обращения: 18.03.17).
 - 6) *Gwynn S.* The Life of the Rt. Hon. Sir Charles W. Dilke V1 // FullBooks.com [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fullbooks.com/The-Life-of-the-Rt-Hon-Sir-Charles-W-Dilke1.html> (дата обращения: 18.03.17).
 - 7) *Loveridge J.* The Decline, Revival and Fall of the British Empire by John Gallagher // Not Even Past [Электронный ресурс]. URL: <http://notevenpast.org/decline-revival-and-fall-british-empire-1982/> (дата обращения: 11.03.17).
 - 8) *Lester A.* Imperial Circuits and Networks: Geographies of the British Empire // CiteSeerX [Электронный ресурс]. URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.610.4467&rep=rep1&type=pdf> (дата обращения: 22.03.17).
 - 9) *McGrail R. Pillai R.* Subaltern Studies // Cultural Anthropology [Электронный ресурс]. URL: https://culanth.org/curated_collections/6-subaltern-studies (дата обращения: 28.03.17).
 - 10) The Journal of Imperial and Commonwealth History // History Online [Электронный ресурс].. URL: <http://www.history.ac.uk/history-online/journal/journal-imperial-and-commonwealth-history> (дата обращения: 21.03.17).